

ИНТЕРВЬЮ с ИЛЬЯКОВЫМ ВЛАДИСЛАВОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ
КАССЕТА I. СТОРОНА I.

12.08.1990, Ленинград

- Ну, во-первых, Ваше мировоззрение, как оно начиналось, как развивалось?

Ильяков - Можно сказать, что я был молодым рабочим, проживал в городе Курске. Рабочая среда больше подействовала, сама жизнь. Потому что когда я пришёл на работу, начал работать осенью 1957 года, мне было 16 лет, учеником. Ну, и сразу выяснилось, что мнение у рабочих довольно нелестное о своём положении по отношению даже к партии, такое недовольство было рабочего класса. Правда, надо сказать, что сейчас уже понимают, что рабочий класс в то время очень был растворён в крестьянском элементе, поэтому он не мог сформулировать свои претензии. Это совпало первое, с венгерскими событиями. В венгерские события, это мало кто упоминает, были созданы рабочие советы, как известно, и не только, как говорят, там контр-революционеры участвовали, антикоммунисты, но было и рабочее движение. На всех заводах были созданы рабочие советы. И когда началась эта кампания против Венгрии, а потом подступал конфликт с Югославией, в Курске образовалась группа молодёжи, учащиеся, именовали себя Курская рабочая коммунистическая организация. Распространяли листовки, а

вообще-то была цель такая - организовать забастовку. Это вопрос очень такой трудный, тяжёлый.

- Вы не один были, у вас была большая группа?

Ильяков Вы знаете, да, приличная была группа, несколько десятков человек, молодых людей. Было даже несколько членов партии.

- А какая у вас была структура?

Ильяков - Мы, как бы вам сказать, особо-то не афишировались. Ни сейчас, ни после.

- Несо~~клько~~ко десятков человек, Вы говорите, значит, была какая-то структура, подчинение, как организация, как вы себя называли?

Ильяков - Вы знаете, когда они находятся, ещё под наблюдением органов, то это может быть проще. Потому что мы все, например, из одного района. Мы все с одних улиц. Это молодёжь. Поэтому там совершенно другие отношения. Это уличная команда. Она организовалась, кто-то был руководителем...

- Был руководитель, да?

Ильяков - Да, я руководил этой группой. Я Вам скажу, что /неразб./ в этом году со мной проводили профилактические мероприятия и с рабочими, участниками группы. В частности, они писали об этом в декабре 1959 года в "Русской правде". Там есть такой материал о поведении некоторых злодеев, обсуждения на рабочих собраниях. Я, действительно, давал обещания, что не буду больше заниматься никакой деятельностью, вот в таком духе. Это, действительно, всё происходило. Но в 1961 году, когда оживились опять течения после событий в Краснодаре, это было зимой 1961 года, в солидарность я и ещё несколько человек решили всё-таки выступить. Мы отпечатали несколько сот листовок и в частности в бывшем кинотеатре "Комсомолец" города Курска в марте 200 штук были сброшены с балкона.

- А что было в листовках?

Ильяков - В листовках ничего такого не было, были претензии к Хрущёву, главе партии и правительства, тогдашнему руководству партии.

Такие рабочие требования были, чисто экономического характера.

- А что Вы видели конечной целью своей борьбы?

Ильяков - Вы знаете, в то время, это был такой тактический момент, надо было немедленно отреагировать как-то на краснодарские события. Потом были какие-то забастовки в Новороссийском порту, обстановка накалялась. И требовался какой-то шаг, надо было сделать обязательно. Немедленно. И это было сделано. Неважно, что КГБ знал, что это только мог организовать я, поэтому я и был арестован.

- А Вы один были арестованы?

Ильяков - Нет, ещё у меня был подельник, он проходил по делу.

- Это кто?

Ильяков Это Анатолий Савельев. Тоже рабочий, с другого завода. Но тоже из этой же компании. Это мы вдвоём взяли и всё это дело проделали. Другие помогали и тоже делали. Но мы проходили по делу. Мы брали на себя.

- Вы себя считали коммунистами, марксистами, или боролись?

Ильяков - Мы больше ориентировались на Союз Коммунистов Югославии и на рабочее самоуправление. Именно рабочее самоуправление. Рабочие советы. Венгрия, Югославия. Конечно, мы с уважением относились к Тито. И особенно были тогда озлоблены той пропагандой, которая велась против него. Лично, потому что они его ненавидели лично. Ну, а потом он был такой герой, партизан. Это играло роль. Он выступил против Сталина, это было для нас чрезвычайно важно. Человек, который сопротивлялся Сталину, это герой для нас был. Бесподобный человек. А в 1958 году, как известно, была развязана кампания против Югославии. Ну, и карикатуры всякие появлялись, читались лекции на собраниях. Внушали, что он снова враг Советского Союза.

- Скажите, а экономическая какая была программа?

Ильяков - Я Вам ещё раз говорю, что у нас - как экономическая программа? - мы смутно представляли себе. Мы считали, что если переда-

дут заводы и фабрики рабочим, рабочему самоуправлению, то будут проблемы решены. Для чего делалась революция, для чего всё это затеяли?

- А какие-нибудь мелкие, конкретные требования для своего города, для своего завода выдвигались?

Ильяков- Требования были... в пределах города - нет. В принципе, хотя готовы были организовать забастовки. В принципе, могли даже это сделать. Протесты были, требовали, чтобы вот этот заем, о котором они говорили, чтобы отсрочили этот заем. Требовали, чтобы как-то это дело решили. Я считаю, даже сейчас, когда этот заем выплачивают, это несправедливость большая. Ведь государство держит эти деньги столько лет, они должны были выплатить проценты. Они об этом даже и не знают. Хотя бы сейчас исправили это дело. Государство держало 25 лет или 20 в реализации деньги трудящихся, они же ведь где-то были, должны были заплатить. Вот такие требования были.

- Скажите, вы были арестованы одновременно с Вашим подельником?

Ильяков. Примерно. Его задержали, потом меня. Не скрываю, я знал, что меня арестуют, не сомневался в этом. Но надо было это сделать.

- Какое обвинение, по какой статье?

Ильяков - 70-я, 72-я статья. Уже в июне 1961 года Курский областной суд судил.

- А срок какой?

Ильяков - 7 лет. Я получил 7 лет, а Анатолий получил 3 года. Я скажу, что как это ни странно, приятно было то, что не удалось найти практически свидетелей, которые бы говорили, что мы занимались этой деятельностью. Нет, там была одна женщина, которая открыта говорила, что вот это антисоветчик, потому что суд добивался именно этого. А свидетели упёрлись и всё.

- А где Вы отбывали срок?

Ильяков В Мордовии. С 1961 до 1968 года. Как обычно там, I⁷, II л/п.
Третий л/п.

- Скажите, в лагере как обстановка в это время, были ли какие-нибудь протесты, восстания в лагере? Организовывалась ли какая-нибудь внутри зоны организация? Как отношения складивались?

Ильяков - В зоне, понимаете ли, вопрос тяжёлый тем, что в основном там делились люди по национальному признаку. И вообще такое отношение, будем прямо говорить - русофobia со стороны некоторых групп заключённых, это имеются в виду в первую очередь бандеровцы. Это самая массовая и сплочённая, злобно настроенная из них. Это, естественно, сразу вызывает национальный протест у русских. В первую очередь.

- Вы говорите русофobia. Это Вы какую-нибудь группу конкретно имеете в виду, или просто, отдельные люди.

Ильяков - Понимаете, как Вам сказать, - это землячество. Своего рода. Вот русское землячество. Вот литовское. Правда, прибалтийцы были не против. У нас были прекрасные отношения. С литовцами, с эстонцами, с латышами, с поляками, с испанцами. Были там такие де^{ти} Испании, так их называли, поляки были из армии.

- Украинцев много было?

Ильяков Украинцев порядочно. Но в основном в то время, по-моему, были только бандеровцы. В основном, только бандеровцы. Я ещё раз это подчёркиваю. Очень мало, очень редко мог кто-то из интеллигентов попасть. Если были украинцы, они были только марксисты, коммунисты. Был такой Виктор Хозяинов, комсомольский работник из Днепропетровска, 7 лет получил.

- А за что?

Ильяков - Организовал группу, распространяли листовки, призывали против Хрущёва. Там были такие группы из Краснодара, Краснодарского Края. Был такой /Уню ??/ фамилия его, Вячеслав, тоже комсомолец.

Секретарь комсомольской организации. У него была своя там группа комсомольцев. Тоже с марксистских таких позиций. Надо сказать, что были люди, некоторые изображают Хрущёва таким либералом, но это не-правда. Потому что были люди, которые просто сидели ни за что. Вот у меня был земляк, Курягин Борзенков. Четверо детей, шофер. Приехал Хрущёв жить в Железногорск. Он в Железногорске работал. Приехал Хрущёв. А народ относился очень отрицательно, всякие выкрики, злобно относились к нему, демонстрировали. А он больше всех там кричал. И всё. За выкрики дали 5 лет - антисоветская агитация и пропаганда. Какое он имел отношение к политике? Ему должны были дать хулиганку, самое большое - 15 суток. Зачем надо было человека сажать 5 лет отбывать.

- Скажите, а верующих много было?

Ильяков. Да, категория верующих была. Были истинно православные. Одно время их держали отдельно. Мне это трудно вспомнить.

- Вы помните из них кого-нибудь?

Ильяков - Вы знаете, там очень трудно всё вспомнить. Максимов был такой, истинно православный. Очень давно по тюрямам ходил. Была такая девушка, что ли, ещё в то время, Златова Надежда, в лензоне была, истинно православная, два брата её тоже сидели. Она отсидела, потом ещё братьев освободили, да ещё и призвали в армию. В стройбат послали. Из Ташкента. Вы знаете, там группы специфические. Были баптисты. Была группа из двух человек из Магнитогорска. Стариков Владимир, а вот подельника я его не помню. Сам баптистом был в лагере, а Стариков остался, не пошёл.

- Вы помните какие-нибудь яркие события, побег был какой-нибудь?

Ильяков. Были такие события, были. Но знаете, даты трудно мне вспоминать. Была такая крупная неприятность для КГБ, это побег Антона Олейника. Бандеровец.

- Это при Вас было?

Ильяков. Да. Знаете, там всё-таки существовали определённые правила жизни, которых надо было придерживаться обязательно. Они неписанные. Мне приходилось с одним врачом, Васильевым из Ялты катать опилки - мусор там сжигали на ТЭЦ. Мы там катали вдвоём, а он мужчина такой тамбовец, сильный. Смотрим, что Антон повадился в плавательный бассейн ходить. Ходит вокруг плавательного бассейна, ходит, ходит, ходит... Катим мы вагонку, а он говорит: "Антон собрался в побег". Я говорю: "Ты что!" А он говорит: "Серьёзно, вижу, пойдёт в побег, попомни мои слова, тебе сказали, ты молчи." Я и молчу. Никому не говорю. Васильев тоже никому не говорит. Проходит, может быть, немногого меньше месяца и вдруг тревогу подняли. Начали нас выгонять из комзоны. Погнали в жилую зону. Начали искать они. Да, действительно, Антон Олейник убежал. И Вы знаете, опыт был. Он бандеровец, уже один раз бегал. Если не ошибаюсь, он откуда-то из Коми АССР бежал и прорвался на Западную Украину. И там его опять взяли. И видимо вот этот опыт ему помог. Потому что другие могут не замечать то, что такие люди замечают. Это очень цепкие люди, специфика жизни выработалась. Поэтому вот такая картина: "Здесь плавательный бассейн, то есть, не плавательный бассейн, а бассейн с водой. Там пилили бревна, там лесопилка, там обязательно вода нужна. А там протекает /неразб./, траншея такая выкопана, поступает вода туда. Раз траншея проходит, значит, надо охранять. Стоит вышка с прожекторами и всё время туда светит. И стоит часовой. Потому что из той вышки часовые не видят, что по траншее движется. И вот однажды, есть такие законы определённые и опытные люди их знают, уставы пишут для того, чтобы их выполняли. А некоторые несерьёзно относятся к уставам. Несерьёзно. А это плохое дело. Тогда они пришли, увидели, что часового нет на вышке. На следующий день он появился. Но это не имеет значения. Они поняли, знали, что придёт момент и его снова не будет. Если раз нарушили устав, значит, он будет ~~и~~ нарушен снова. Они не знали,

может быть, болезнь была солдата, может быть, солдата нехватило, ещё что-то, но знали, что это повторится. Только надо ждать, вот они и идали.

- Сколько человек бежали?

Ильяков. Двое. Они, видимо, подготовились.

- Олейник, а второй кто?

Ильяков. Второй, я не помню его фамилию, но он живой остался. Живой остался. И вот, они в эту траншею проникли, решётку разобрали, конечно, они приготовили что-то, чтобы эту решётку убрать. Потом её на место поставили, спрятались в кусты. Сестра привозила из дому на свиданиях, свидания давали, возила одежду потихоньку, привезла ему гражданскую одежду. Они там переоделись, и пошли. Вы знаете, чекисты спохватились когда уже где-то восемь часов вечера, они уже ушли далеко. Если опытные люди, они умеют прятаться и идти. Короче говоря они взяли, говорят, километров 150 или на 100 квадрат, оцепили войсками, сделали прочёсывание. Но это ничего не дало всё равно. Никаких следов пропали и всё. Но их поймали, поймали на Западной Украине и видимо, через родственников поймали. То ли следили за родственниками, то ли ещё что-то. Антона Олейника расстреляли. Не за побег расстреляли.

- А за что?

Ильяков - Открыто буду говорить, что дела у них такие, очень... это очень тяжёлая организация, надо признать, очень тяжёлая и как говорится, очень кровавая. Это одна из самых кровавых антикоммунистических организаций. Именно кровавая. И главное не в том, что ссылаются на ужесточение борьбы, нет, это неправда. То есть, террор, конечно, был, существовал, но они имели директивы на террор. Вот я что хочу сказать. Например, латыши и эстонцы, они таких директив не имели, а эти имели директивы на террор. Это самое страшное. И пришлось показать жертвы их, их в колодцах откопали, детей, женщин

вынимали оттуда. Вот стоишь, смотришь, там показывают эти жертвы сталинизма, откопанные. Да, действительно, они растреливали, Красная Армия, когда отступали. Всё это было. Но когда смотришь, знаешь, кто что есть, ты с ними был и знаешь, кто они, то, знаете, для меня это неприятно. Я осуждаю, конечно, Сталина за все эти преступления. Но они так и сделали, потому что у него много было дел. Этому просто срок добавили. А Антона расстреляли. Было сообщение в лагере. Бандеровец Антон Олейник, или украинский националист по кличке Индус приговорён к Высшей мере наказания. Кажется, военным областным судом. Это такой был побег.

- А ещё были побеги?

Ильяков. Были. Были побеги. Был такой побег интересный, я хочу говорить об интересном, если Вас интересует... Был побег на седьмом. Но я не был на седьмом, я был на одиннадцатом. По рассказам, они там выкопали подземный ход.

- Кто они?

Ильяков. Группа. Руководил группой, если не ошибаюсь, кажется, руководил Зайцев. Была там такая группа суворовцев, нахимовцев. Тоже против Хрущёва выступали. То ли в Москве, то ли здесь. Кажется, туда входил Олег Мурженко, сейчас я не помню других. Но руководил ими опытный человек. Тот был в побеге уже давно, его случайно милиция сцепала. И его опять посадили. Он сказал: "Давайте, мы сделаем так: я организую вам побег, мы выходим, я вас вывожу, вам три стороны света, а у меня одна и всё. Идите, куда хотите, если вы согласны, а я пойду один". Якобы так и получилось.

- Это в каком году?

Ильяков. Вы знаете, это было, может быть, в 1963 году. Зимой, где-то в это время, где-то так. Потому что ещё Хрущёв был и их как раз по горячим следам и привезли. И они очень хитро сделали всё. Были вечерние школы, их там учили. Выкопали подземный ход. Прямо

под вышкой, что самое интересное, другие так не делают. А эти выкопали под вышкой. Сзади вышли. Взяли белые простыни. Там это всё организовывают другие. Потому что, чтобы не выдали, другие люди занимают их постели, ночью лежат, спят, вроде человек на месте. Они вылезли, человек семь их, кажется, было. У них там неприятность получилась, рассказывают, что первый, кто должен идти, обычно /неразб./ не бросают, бросили, а он говорит: "Я не пойду." А он говорит: "не будешь разворачиваться, задом пойдёте обратно". Вытащили, этот пошёл спать, а эти полезли опять. Говорят, что Зайцева не поймали, а их всех переловили. Кого где, кого как, но задержали. А его не поймали, якобы.

- А длинный ход прорыли?

Ильяков - Вы знаете, точно не могу Вам сказать. Но, во всяком случае, почему там удачно было: там вот зона, а здесь, например, школа. И поэтому им легко было под фундаментом проскальзывать. У директора был шкаф, сделали ход из шкафа. Шкаф отодвигают, доска раз, поднимают, потом его можно задвинуть и всё. А кто знает, что они там будут копать под фундамент. Просунулись между полом и всё. И наискось, там недалеко уже, провели, там пробили. А собаки там были дурные бегали вокруг зоны в поисках питания. Им кусок хлеба в рот и всё. Потому что мясо воровали. Собаке мясо отпускается, за ней надо ухаживать, а они воровали. Они голодные всегда, а когда собака голодная, она искать не будет. Даём им хлеба, Ау, Ау, они просят..... /Далее неразборчиво, садятся аккумуляторы, конец кассеты пустой/.

ИНТЕРВЬЮ С ИЛЬЯКОВЫМ ВЛАДИСЛАВОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ

СТОРОНА 2

- После освобождения как дальше было?

Ильяков - Во-первых, здоровье конечно было подорвано уже, потому что эти голодные нормы, потом ограничения в посылках. Собственно говоря, произошла такая странная вещь - меняли режим содержания. Именно это - заслуга Никиты Сергеевича, по всей стране ужесточение. И для того, чтобы, например, мне строгий режим дать, были там общие режимы, строгие, были там общие режимы, строгие, так надо было слать в областной суд. В тот, в котором судили. Другие, человек 450, известно, что суды им отказали в ужесточении режима, то есть, дали общий режим. А таким, как я дали строгий. А строгий, это значит, половину срока не имеешь права никаких посылок получить. А потом, в течение остальной половины, в три месяца, кажется раз до 5 кг, и то с разрешения начальника отряда. Если он считает нужным, то он разрешит, а если он не считает нужным, то ничего не получишь. А пища единственная - это хлеб, если уж так говорить. Прямо и откровенно будем говорить, что людей морили голодом. И всё. Это прямо надо говорить. Причём, это было сделано лично по участию самого Хрущёва. Было известно, что есть какой-то Институт тюремоведения, который занимался всеми этими разработками, как там надо строить изолятор, карцер как надо строить. Я находился в карцере там, вдвое мы находились. Зимой на улице там 30 с чем-то градусов, а тут тебе подносят железную, обитую кровать, которая примыкается к стене. На день она запирается, а на ночь её открывают. Железная, обита железом, а сверху решётка, а стекла нету. Зимой стекла нету. Ветер дует - шель под дверью, специально сквозняк. Нужно ложиться по идее туда, а куда ложиться - пол цементный. Здесь сделана печка, в коридоре стоит градусник, всё время показывает 16-18°. Он всё время так показывает. А как начинаем кричать, что холодно, приходят. А все знают про градусники, у него два - настоящий и этот. Ес-

ли приходит врач, он этот снимает, кладёт в карман, а этот вешает, настоящий. А сюда, в камеру выступает такой уступ, печка обитая железом, немного там подтопят, вроде они топили, как хочешь — так и грёзятся. Так не встанешь, спиной, животом, не согреешься, только боком надо встать. Вот боком стоишь и спишь. А утром они открывают дверь, приходят, вроде ты и спал на кровати, закрывают — всё.

— Когда Вы освободились, Вы домой сразу поехали, да?

Ильяков — Да, в Курск вернулся. Вернулся в Курск, но там начали постепенно, видимо, органы, как я понял и понимаю, хотели избавиться от меня. Потом пошли эти указания, это 1968 год, 1970 год, 1971 пошли какие-то указания, особенно после событий в Польше. Были какие-то сущены инструкции. На нас. И они начали что-то делать. Меня неожиданно, например, вызвали в военкомат; хотя я был признан годным к несению воинской службы, вдруг вызывают в военкомат, посыпают меня в психоневрологический диспансер. Потом выписывают оттуда с диагнозом шизофрении, снимают с учёта и всё. И все разговоры. Иди, жалуйся. У меня ума хватило — я спорить — не спорил, ничего там не доказывал, себя в грудь не бил, что я нормальный. Я помалкивал и всё.

— Это в каком году?

Ильяков — В 1971 году. Ну, и обстановка сложилась так, что надо было что-то такое предпринять.

— Вы по возвращении начали снова какую-нибудь деятельность, или нет?

Ильяков — Деятельность заключалась в том, что я поддерживал контакты с Осиповым.

— А вы познакомились в лагере, да?

Ильяков — Да. И видимо, это расценивалось, эти поездки в Москву, встречи с Осиповым, это расценивалось как враждебные шаги.

— А вы сразу, с 1968 года — вместе?

Ильяков - Там какое-то время ещё, может быть, была передышка. Но тут Чехословацкие события и не в состоянии я был вмешаться - физически невозможно. А потом уже мы начали что-то делать.

- А Ваш подельник, который освободился намного раньше?

Ильяков - Судьба очень печальная у этого поколения. И его печальная. Во-первых, у него при аресте нашли нож. Хороший такой нож. Хотя я говорил, чтобы ножа не брали, чтобы ничего не было, потому что я предвидел это дело, ни в коем случае. Он всё-таки взял. Взял нож. Знаете, там на улице такие ребята - они всё время что-нибудь имели. Ну вот, этот нож его и подвёл. Именно это я и предвидел, он его подвёл. Ему же дали 70, 72 -ю, а потом ему дали "ношение холодного оружия". Теперь, когда произошла реабилитация - снимают всё, а это оставляют. Мне полная реабилитация получается, а у него - частичная. Теперь о судьбе. Надо говорить не о нём, а об этом поколении. Какая участь его была. Во-первых, нас было мало. Военные годы, 1941 1942. Когда я встретил... многие уже в то время спились, многие попали в местные лагеря по бытовым преступлениям. Очень многие. А ещё больше спислось. И он тоже. Он потом попал по бытовой. Пил, пил. Я выхожу, а он уже сидит опять. Вот такая картина. Печальная, жаль людей. Знаю, что они были хорошие ребята, но никто из них...

- А как дома относились к тому, что Вы сидели по политической статье? С уважением, или с насмешкой?

Ильяков - Знаете, семья подвергалась репрессиям раньше. У моей матери первый муж был репрессирован в 1937 году. Первый муж, я-то от второго мужа у неё. Мой отец на фронте погиб. Так что тут уже, знаете...

- Мама останавливалась Вас?

Ильяков - Мамаша была мамаша и всё. Верующая. Люди больше за веру держались, потому что она нравственно чище. Поэтому и стоят, отсюда такое упорство. А потом пришлось переехать в Киев. Приехал я в

Киев, потому что там у нас были кое-какие связи. Связи были и в Киеве, по делу там проходили.

- По Вашему делу проходили ещё и киевляне?

Ильяков - Там были в Киеве связи и перебрался я туда. В 1972 году я переехал и женился. Тут - участие в журнале "Вече" и его распространение. Я старался помочь Осипову как мог. Такая картина у нас была. Вообще-то, они старались, конечно. Помещался я в Павловскую больницу в 1973 году. И опять, когда я туда прибыл, они решили так, что мало ему Курска, так он ещё в Киеве начнёт копать чего-то... Началась просто война. Началась война - а тут уже есть задел шизофрении, и - в Павловскую. В больницу положили.

- Без суда?

Ильяков - Какой там суд? Вызывают в больницу, я пришёл - там санитары сидят. Приёмная. И тут же лбы здоровые сидят. А я никогда не спорил, знал, что этого никогда нельзя делать, это ошибка. Лучше ставить всегда вопрос о человечности. Человечность - это самое надёжное. Всё равно, все люди, не может такого быть... Я не ошибся. К сожалению, мало помню сейчас фамилий работников Павловской больницы, потому что жена срочно вызвала мать. Сама пошла. У нас родился ребёнок. Ну, и приехала мать. Мать начала требовать выписки. Я, говорит, мать, отдайте мне сына. Если уж жене не хотите отдать, отдайте мне. Они в такое положение попали - что им делать. Хотя им звонки, звонки. Некий Лисовский, майор КГБ в областном управлении. Они звонки, а мать своё. Пошла в прокуратуру. А ей говорят: -у нас никто не контролирует органы. А она говорит: "Хуже для вас будет, если никто не контролирует." Короче говоря, врачи тоже заняли такую позицию. В частности, Панов, заместитель главврача Павловской больницы областной. Он занял такую позицию, что нам это дело ни к чему. И начали давить на КГБ. Что "если у вас есть претензии к нему, то пожалуйста, заберите". Там при больнице психушка была со следственным изолятором. Туда на экспертизу помещали. "Берите его

туда и там делайте, что хотите, а нам это не нужно - отвечать за него. Нам эта слава не нужна. " И всё. Они упёрлись.

- И сколько Вас продержали?

Ильяков - Я долго не был. Где-то в марте попал туда к ним, где-то в начале марта и в конце апреля, перед 1 мая они меня выписали. Причём, комиссия была медицинская и приехал майор КГБ в эту комиссию. Вроде бы, Павловская больница заявила так, что никакой шизофрении нет. Действительно, болен, мы признаём, что он болен, но это ваша работа. Это всё последствия заключения." А этот: "Вы что, в акт это напишите, вы что думаете? Этого никогда не будет. Ну, они написали туда : органическое заболевание центральной нервной системы". Вот с таким диагнозом меня выписали. С условием, что на 1 мая жена даст согласие поместить меня в больницу. Что самое, интересное, всё говорит о том, что врачи саботировали. Потому что врачи мне и жене сказали, и матери сказали: "никакой чтобы доставки и не бойтесь. Они будут пугать, кричать - не бойтесь, не приходите, не обращайте внимания". Так точно оно и получилось. Мы ничего не сделали. Приходит 1 мая, мы никуда и не думали идти. Проходит некоторое время - приезжает завотделением. Приезжает, меня не было, начал жену распекать, видимо, это их человек был: Вы нас подвели. Вы должны были. А она говорит: "Мы вам ничего не должны". "Вы обещали!" Она говорит, "что там суд, что-ли был, я жена, я обещала, хочу мужа получить, а вам чего надо? Да, обещала, правильно, и мать обещала. И нечего". - "Вы маленькие люди, вы знаете, кто вами занимается?" И всё. Правда, я состоял на учёте в больнице, д.2, железнодорожная больница, ведомственная, потому что я на железнодорожном заводе работал. Там я имел честь прибывать. И знаете, там всё-таки, что-то за мной числилось. Понимаете, числилось. Они выдали себя тем, что в 1985 году где-то в декабре у меня травма производственная - вот пальцы порезало. И когда я попал туда, в

в больницу меня привезли, то я слышал как один заполняет анкету, а этот говорит: имейте в виду, у него шизофрения. Я это сразу засёк. И как только я вышел, всё-таки, это в 1986 году было, осенью, уже Горбачёв был, я сразу же направился к своему врачу. Прихожу и говорю: как это понимать. И я пошёл в военкомат, она мне дала такую выписку из болезни, пошёл в военкомат и меня военкомата комиссия переоценила, дала новый диагноз. Мне поставили в военном билете, что я уволен из строевой службы, и там - статью подходящую. Я никогда не был категоричен, я сейчас считаю, что после получения реабилитации я имею право уже по серьёзному надавить, чтобы решить этот вопрос уже, закрыть его. Ну, я ждал, как Горбачёв стал, я внимательно следил за ним и когда я поехал в Югославию, я этого момента ждал. Знал, что если он реформатор, то он не минует Югославию, раз он коммунист, он поедет туда обязательно. Потому что там у них очень плохие отношения. Эти поддерживали там коммунистов-оппозиционеров, сталинистов. В таком духе. Тем более, что ходили слухи, что в Киеве центр, подрывной, югославский. У них там была штаб-квартира, радиостанция... не знаю, это сведения такие, ещё пятидесятых годов. Я посоветовался, конечно. Ходил, чтобы мне справку сделали. Все советовали - пиши заявление, найди адвоката, я удивился, этим путём я не пошёл. Я сел, написал Горбачёву. "Вы были в Югославии, вот коммюнике, подписанное Вами, поэтому я считаю, что вступило в противоречие время..."

- Это в каком году Вы написали?

Ильяков - 1988 год был. В сентябре 1988 года. Я ещё подождал, партконференцию пропустил тоже, и предъявил, что "Вы подписываете сейчас как генсек партии, а меня посадили. Чёрным по белому пропечатано "выступал в защиту югославских /ревизионистов ?/ и т.п. занимался деятельностью в защиту югославских ревизионистов"". Уже и Тито вспоминают, пишут даже не "ревизионисты", а "Союз коммунистов Югославии" - враждебная организация. Я им пишу: "Михаил Серге-

евич, я прошу Ваш секретариат сопоставить, проверить и принять решение. Я надеюсь на хороший результат." Ну, и видимо машина сработала, письмо попала в его секретариат, всё сработало, проверка была, даже сообщение было мне дано, что "факты подтвердились, изложенные Вами". Верховный Суд РСФСР, начали футболить и дошло до Курска. Где меня судили. С трудом, с криками, 9 ноября я был реабилитирован. Хотя вижу, что они занимаются какими-то фокусами, которые странно непонятны. Стараются, видимо, как я понял, не давать документы. Документов не дают о реабилитации. Она вроде и есть, а вроде её и нету. По той причине, что какая-то странная реабилитация. Потому что первого мужа реабилитировали моей матери. Там реабилитация: "сообщаем вам, что он был обвинён по статьям таким-то, таким-то, срок такой-то, такой-то. Посмертно... и тому подобное". А здесь пишут: мы Вас реабилитировали. Приговор отменили за отсутствием состава преступления.

- Устно?

Ильяков - Нет, пишут. Они мне прислали просто сообщение. Я прицепился не отстану. Я им пишу: "Уважаемые, вы мне прислали сообщение. А если я реабилитирован, вы мне давайте реабилитацию". Они прислали справку, но какая же это реабилитация. Статья не указана, срок не указан. А это имеет важнейшее значение. Может быть, меня обвиняли в том, что я наехал на пешехода. Может быть, меня обвиняли в чём-то ещё. Если взять 20 августа 1980 года известие, там они мне пишут, обо мне "уголовник Ильяков". С какой стати уголовник? Обо мне распространяли слухи в Курске, что я изнасиловал, оказывается, девушку. Это же додуматься надо. И на этом основании пишут: "уголовник Ильяков!" Международная амнистия пыталась мне, якобы, передать деньги. Которых я не видал. Было этого, не было... Но они же пропечатали. На каком основании? На основании слухов органов, что я изнасиловал, или что? Где эта статья?

- Вас ещё упоминали в печати?

Ильяков - Нет, не упоминали, только что уголовник. Это им, видимо, зачем-то надо было. Не знаю. Только такой момент. Они меня на Олимпиаду постарались вы проводить из Киева. Опять-таки, дело тяжёлое. Они мне прислали повестки в военкомат. Дураков нет, я выбросил, да и всё. А срок подходит. Что делать? Приезжать туда или нет? Да, а тут приехал Владимир Николаевич, мы поговорили. Врачи махнули рукой: если можете что-то сделать, сделайте. Проходит некоторое время, Володя уехал, а потом сразу же "Радио Свобода" сообщает, что такой-то рабочий находится там-то. Врачи звонят и говорят "а он нормальный". КГБ говорит : кто лучше знает, вы, врачи-психиатры, или мы? Мы лучше знаем, раз говорим ненормальный, значит, ненормальный. Держите его в больнице и всё. "Приговора же нет и суда!" - "Ну и что, зато звонок есть, держите его и всё." После этого они решили, что связываться со мной не стоит. Могли ведь надавить не только на медицину, но на компартию, тем более есть документы. Подлинные документы, их могли пустить в ход. Тогда вообще мог возникнуть скандал. А им нежелательно было упоминание. Ни в коем случае. Поэтому они осторегались этого. А почему в 1980 году, я не знаю, тут что-то такое было. Что-то готовилось, или, может быть, они готовили аресты. Или ещё чего-то. С Олимпиадой так получилось. Знаете, что они сделали - вызывают в отдел кадров и говорят: чего ты в военкомат не идёшь? Я говорю: ты чего, не знаешь, я там буду месяц сидеть, зачем это мне надо. Под кроватью. Там сейчас места нет, всё забито в больнице. Что я там буду делать? Не пойду. Если надо, пусть приезжают, берут. Они вздохнули, говорят: "хорошо, мы найдём выход". Вызывают вечером к начальнику завода. Он говорит: "знаешь, Владислав Васильевич, такие отношения ваши с ними, такие отношения. Вот тебе командировка, езжай в наш лагерь труда и отдыха, поживи-ка ты там не-

делю до Олимпиады и неделю после Олимпиады. Мы тебя посылаем в командировку. Я говорю: "спасибо за командировку", собрал вещи и уехал. Там телевизор был, смотрел олимпиаду. Так что я говорю, что всё зависит от конкретных людей.

- Скажите, а какие у Вас взгляды, какое мировоззрение?

Ильяков - У меня взгляды такого характера. Верю в возрождение православия.

- Вы просто верите или участвуете в каком-то движении активно?

Ильяков - Пока скажу, что активность моя ещё не проявлялась, но она будет проявлена. И по состоянию здоровья тоже. У меня видимо последствия простуды какой-то внутреннего уха, бывают головокружения. Во всяком случае, я постараюсь, как в "Вече", делать всё возможное постараюсь помочь православию. Я хочу только одного, чтобы церковь заняла своё место. А другие проблемы пусть другие решают.

- Политических, экономических задач не ставите?

Ильяков - Народ наш, он в большинстве верующий, я имею в виду русский народ, разница очень большая между другими в этом вопросе. Я считаю, что не требуются особые административные, политические меры, всё это само собой будет решаться. Составлять какие-то планы... Нас так приучили ко всяким планам, чертежам, а жизнь, она сама всё решит. Молодёжь, молодое поколение, оно само приспособится. Вот такая моя точка зрения.

- Ясно, спасибо Вам большое.

Интервью с Ильяковым Владиславом Васильевичем взяла Ирина РЕЗНИКОВА 12708.1990. Дом Дружбы, Ленинград, Встреча политзаключённых.